

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2025, Том 13, № 5 / 2025, Vol. 13, Iss. 5 <https://mir-nauki.com/issue-5-2025.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN525.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Тишуков, М. Ю. Изучение зависимости населения двух регионов Российской Федерации от использования социальных сетей / М. Ю. Тишуков // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 5. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN525.pdf>.

For citation:

Tishukov M.Yu. The addiction among the population in two regions of the Russian Federation on the use of social networks. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(5): 77PSMN525. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN525.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.9.072.432

Тишуков Максим Юрьевич

АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская академия», Москва, Россия
Аспирант программы «Общая психология, психология личности, история психологии»

E-mail: tmax@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7220-960X>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1247473

Изучение зависимости населения двух регионов Российской Федерации от использования социальных сетей

Аннотация. Введение: социальные сети стали важной частью повседневной жизни, однако их чрезмерное использование может приводить к формированию зависимого поведения. Вопрос о распространённости зависимости от социальных сетей в различных возрастных и социальных группах остаётся актуальным.

Цель: определить уровень зависимости от использования социальных сетей и выявить её связь с социально-демографическими характеристиками респондентов.

Методы: был проведён анонимный поперечный опрос в Google Forms среди жителей Ростовской области и Республики Крым. Для диагностики зависимости применялась русскоязычная адаптация шкалы Social Media Disorder Scale (SMDS). Для статистического анализа использовались χ^2 -критерий и V-коэффициент ассоциации Крамера.

Результаты: в опросе приняли участие 314 человек. Зависимость от социальных сетей выявлена у 37,2 % респондентов. Наиболее высокий показатель зафиксирован среди подростков 15–17 лет (60 %). Женщины демонстрировали зависимость статистически значимо чаще мужчин (40,8 % против 28,6 %, $p < 0,05$). Связь между полом и зависимостью оказалась умеренной ($V = 0,12$), между возрастом и зависимостью — более выраженной ($V = 0,20$). Такие факторы, как уровень образования, семейное положение, доход, род деятельности, трудовой стаж, место проживания, и частота использования социальных сетей статистически значимой связи с зависимостью не показали. При этом 80,6 % респондентов отметили использование социальных сетей для снятия напряжения и негативных эмоций.

Заключение: результаты указывают на высокую распространённость зависимости от социальных сетей, особенно среди подростков и женщин. Использование социальных сетей как средства эмоциональной разгрузки может быть ключевым механизмом формирования зависимости.

Ключевые слова: социальные сети; зависимость; шкала зависимости от социальных сетей; социально-демографические параметры; Россия

Введение

Социальные сети, ставшие частью повседневной жизни более 5 млрд человек по всему миру, широко используются для коммуникации и обмена информацией.¹ Их активное применение сопровождается ростом интереса к проблемному и зависимому поведению, которое демонстрирует сходство с другими нехимическими зависимостями [1]. Чрезмерное использование социальных сетей ассоциируется с тревожностью, депрессией, одиночеством, низким самоконтролем и самооценкой [2], однако до настоящего времени оно не включено в диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM-5) или международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-11)², что во многом связано с отсутствием единого диагностического подхода.

Разработка специализированных инструментов, таких как шкала Social Media Disorder Scale (SMDS), позволила оценивать зависимость в целом. SMDS, опубликованная в 2016 году, уже прошла успешную адаптацию и валидизацию на различных языках, включая русский, подтвердив свои надёжность и психометрическую состоятельность [3]. Это открывает возможности для более системного изучения феномена зависимости от социальных сетей в разных культурных и социальных контекстах.

Цель нашего исследования состояла в изучении уровня зависимости от использования социальных сетей в двух регионах Российской Федерации (РФ). Кроме того, мы стремились проанализировать распространённость зависимости в контексте социально-демографических параметров пользователей и их модели использования социальных сетей.

Научная новизна исследования заключалась в разработке и апробации методологического подхода, включающего анкетирование респондентов — пользователей социальных сетей, с помощью разработанной авторами анкеты, основанной на шкале Social Media Disorder Scale и учитывающей социально-демографические параметры, что позволило более детально изучить влияние социально-демографических факторов на наличие зависимости от использования социальных сетей.

Методы

Настоящее исследование представляет собой анонимный поперечный онлайн-опрос, проведённый в период с 1 октября по 15 ноября 2024 года.

В выборку были включены пользователи социальных сетей в возрасте от 15 лет и старше, проживающие в Ростовской области и Республике Крым. Минимальный необходимый объём выборки среди населения вышеупомянутых регионов РФ был рассчитан как 314 человек при уровне доверия 95 % и предельной ошибке 5 %. Участники набирались с использованием методов снежного кома и удобной выборки [4].

¹ Statista. Number of social media users worldwide from 2017 to 2028. (2024). Accessed: 25 March 2025: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/>.

² World Health Organization, Process of translation and adaptation of instruments. Retrieved August 17, 2020, from https://www.who.int/substance_abuse/research_tools/translation/en. Last assessed August 2020.

American Psychiatric Association (2013) Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th Edition. Arlington, VA, American Psychiatric Association.

Сбор данных

Опрос проводился в двух регионах РФ: Ростовской области и Республике Крым. Ссылка на анкету (https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSerpL-TvKmntoAxS6F1-CWgR8L_3sJ-EoOnEWYGGGe7CVgnlHQ/viewform?usp=sf_link) распространялась через различные социальные сети. Перед началом основного сбора данных была проведена пилотная апробация анкеты: два автора получили обратную связь от пяти респондентов по времени заполнения и ясности формулировок. Ответы, собранные на этапе пилотажа, в анализ не включались.

Анкета состояла из шести разделов. Первый раздел включал сбор социально-демографической информации и особенностей использования социальных сетей: пол (мужчина или женщина), возраст (сгруппированный по категориям 15–17 лет, 18–24 лет, 25–34 лет, 35–44 лет, 45–54 лет и старше 54 лет), уровень образования (среднее, неоконченное высшее, высшее и послевузовское), семейное положение (холост/незамужем, в браке, разведён/разведена, вдовец/вдова, в гражданском браке), род деятельности (работник государственного сектора, работник частного сектора, пенсионер, студент, школьник и безработный), трудовой стаж (менее 1 года, 1–3 года, 4–6 лет, 7–10 лет и более 10 лет), уровень дохода (менее 20 000 рублей в месяц, 20 000–40 000 рублей в месяц, 40 000–60 000 рублей в месяц и более 60 000 рублей в месяц), населённый пункт проживания (город, посёлок городского типа и село) и частота использования социальных сетей (никогда, реже одного раза в неделю, 1–2 раза в неделю, каждый день, несколько раз в день).

Во втором разделе оценивались индивидуальные уровни самооценки в контексте использования соцсетей с помощью 10-пунктовой шкалы самоуважения Розенберга.

Третий раздел был направлен на выявление признаков зависимости от использования социальных сетей с применением адаптированной русскоязычной версии шкалы Social Media Disorder Scale (SMDS), разработанной van den Eijnden с соавт. в 2016 году [5]. Русскоязычная версия шкалы SMDS, как и оригинальная, состоит из 9 вопросов. Каждый вопрос имеет два варианта ответа — «нет» и «да». В соответствии с установленными правилами оценки шкалы SMDS критерием наличия зависимости от использования социальных сетей было принято наличие 6 и более положительных ответов на любые из 9 вопросов опросника [6].

Четвёртый раздел включал измерение уровня тревожности при использовании соцсетей с помощью адаптированной шкалы Спилберга — Ханина [7].

Пятый раздел содержал авторские вопросы, направленные на изучение влияния социальных сетей на самооценку и идентичность участников.

Шестой (заключительный) раздел включал два открытых вопроса, позволявших респондентам выразить мнение о влиянии соцсетей на их эмоциональное состояние и предложить способы снижения негативного воздействия.

В данной статье анализу подверглись данные, полученные из первого и третьего разделов анкеты. Данные первого и второго разделов анкеты были уже проанализированы в опубликованной ранее статье [8]. Остальные разделы будут рассмотрены в последующих публикациях.

Этические нормы

Перед участием в исследовании все респонденты были ознакомлены с информацией о цели и задачах исследования, а также предоставили информированное согласие. Исследовательская группа уделяла первостепенное значение защите конфиденциальности и анонимности данных участников. Участники имели право прекратить участие в исследовании в любой момент, отправив уведомление по указанным в добровольном согласии контактам.

Статистический анализ

Категориальные переменные представлены в виде абсолютных и относительных частот (n , %). Для анализа категориальных переменных использовался χ^2 -критерий. Статистическая значимость принималась при уровне $p < 0,05$. С целью уточнения характера выявленных различий дополнительно рассчитывались скорректированные остатки, что позволило определить категории переменных, статистически значимо отклоняющиеся от ожидаемых частот в таблице сопряжённости (значимость фиксировалась при значении скорректированного остатка $> 1,96$).

В случаях, когда различия оказывались статистически значимыми, для оценки силы связи применялся V -коэффициент ассоциации Крамера. Значения коэффициентов интерпретировались в диапазоне от 0 до 1, где 0 соответствовал отсутствию связи, а 1 — максимально выраженной связи.

Статистический анализ проводился с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics, версия 26.0 (IBM Corp., Armonk, NY, USA).

Результаты

Социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице 2. В исследовании приняли участие 314 человек. Гендерное соотношение оказалось неравномерным: большинство участников составляли женщины — 71 % ($n = 223$), мужчины — 29 % ($n = 91$). Возрастная структура респондентов была разнообразной, при этом преобладала группа 18–24 лет — 53,2 % ($n = 167$), за которой следовала группа 25–34 лет — 17,8 % ($n = 56$). По уровню образования наибольшее количество участников имело неоконченное высшее (36,6 %; $n = 115$) и высшее образование (35 %; $n = 110$). Ещё 23,6 % ($n = 74$) сообщили о наличии среднего образования. Большинство опрошенных указали, что они не состоят в браке или отношениях — 61,5 % ($n = 193$), в браке находились 31,6 % ($n = 99$). Разведённые составили 5,4 % ($n = 17$), а вдовствующие — 1,5 % ($n = 5$). По профессиональной принадлежности лидирующую позицию заняли студенты — 54,8 % ($n = 178$). Работники частного и государственного секторов были представлены почти в равной степени — 19,7 % ($n = 62$) и 17,5 % ($n = 55$) соответственно. Распределение по трудовому стажу показало, что наибольшее число респондентов имело опыт работы от одного до трёх лет — 32,2 % ($n = 101$), или менее одного года — 27,7 % ($n = 87$). Стаж 4–6 лет имели 18,5 % ($n = 58$), более 10 лет — 15,6 % ($n = 49$). Уровень дохода распределился следующим образом: максимальная (более 60 000 руб./мес.) и минимальная (менее 20 000 руб./мес.) категории были представлены почти равным числом респондентов — 37,9 % ($n = 119$) и 31,5 % ($n = 99$) соответственно. Большинство участников исследования — 84,1 % — проживают в городах. Что касается частоты использования социальных сетей, 96,6 % ($n = 303$) опрошенных указали, что заходят в них ежедневно, причём 45 % ($n = 141$) делают это несколько раз в день. Лишь 3,4 % ($n = 11$) респондентов отметили редкое или эпизодическое использование соцсетей.

В таблице 3 представлены результаты третьего раздела анкеты среди опрошенного населения. Согласно полученным данным 37,2 % ($n = 117$) участников исследования имели зависимость от использования социальных сетей, так как ответили положительно на 6 или более вопросов. Чаще всего положительно отвечали на вопрос № 8 «Вы часто заходите в социальную сеть, чтобы снять напряжение и негативные эмоции?» — 80,6 % респондентов ($n = 253$). Реже всего отмечались положительные ответы на вопросы № 6, 7, 9 — 24,5 % ($n = 77$), 31,2 % ($n = 98$) и 31,5 % ($n = 99$) опрошенных, соответственно (табл. 1).

Согласно таблице 4 статистически значимая связь была обнаружена между полом и наличием зависимости от использования социальных сетей ($p < 0,05$), таким образом

необходимо отметить, что женщины статистически чаще имели зависимость от использования социальных сетей в отличие от мужчин. Согласно коэффициенту V Крамера наблюдалась умеренная связь между двумя данными переменными (V Крамера = 0,12, $p < 0,05$). Зависимость от использования социальных сетей наблюдалась у респондентов во всех возрастных категориях кроме респондентов старше 55 лет, χ^2 -критерий показал статистически значимую связь между возрастом и наличием зависимости ($p < 0,05$). Среди всех возрастных категорий респонденты возрастом 15–17 лет значимо чаще имели зависимость от использования социальных сетей. Стоит отметить, что коэффициент V Крамера показал умеренную связь между возрастом и наличием зависимости (V Крамера = 0,2, $p < 0,05$). Такие переменные как уровень образования, семейное положение, род деятельности, трудовой стаж, уровень дохода, населённый пункт проживания и частота использования социальных не показали статистически значимой связи с наличием зависимости от использования социальных сетей.

Обсуждение

Целью нашего исследования было определение уровня зависимости от использования социальных сетей среди респондентов из двух регионов РФ — Ростовской области и Республики Крым. Набор участников исследования из данных регионов происходил с помощью комбинации методов снежного кома и удобной выборки. Мы обнаружили, что среди опрошенных 37,2 % имели зависимость от использования социальных сетей. Статистически значимая связь была обнаружена между наличием зависимости и такими социально-демографическими характеристиками, как пол и возраст.

Общая частота респондентов с наличием зависимости от социальных сетей в нашей выборке составила 37,2 %, что принципиально отличается от распространенности зависимости, выявленной в когортах исследований, использовавших как инструмент — SMDS, и варьировавшейся от 5 % до 11,6 % [3, 5, 6, 9–11]. Стоит отметить, что выборки данных исследований состояли из респондентов подросткового возраста, когда в нашей работе анализировались все возраста. Интересно, что по нашим данным процент опрошенных с зависимостью в подростковой возрастной группе ещё выше общего процента всей выборки и составляет 60 %. В систематическом обзоре Cheng с соавт. была показана высокая гетерогенность распространенности зависимости от использования социальных сетей, показатель варьировался от 5 % до 26 %. В обзор были включены исследования с респондентами разных возрастов и различными инструментами оценки зависимости. Важным отличием нашего исследования от вышеперечисленных, является тот факт, что оно проводилось в постпандемийный период, когда повседневное использование социальных сетей существенно возросло. Данный факт согласуется с выводами исследований, согласно которым во время локдаунов увеличилось время, проводимое в социальных сетях, и, несмотря на то, что пандемийные ограничения закончились, высокая вовлечённость людей в социальные сети сохранилась [12; 13]. Помимо общего роста использования социальных сетей, выросли и связанные с этим показатели проблемного их пользования. Эти данные поддерживают предположение, что обнаруженный нами высокий уровень распространённости зависимости от социальных сетей (особенно 60 % среди подростков) может отражать постпандемийное усиление использования социальных сетей.

Согласно результатам нашего исследования женщины чаще демонстрируют зависимость от социальных сетей по сравнению с мужчинами — 40,8 % ($n = 91$) и 28,6 % ($n = 26$) соответственно, $p < 0,05$. Наши данные согласуются с рядом исследований, где также опрошенные женского пола статистически значимо чаще страдали зависимостью от социальных сетей [3, 9, 10, 14, 15]. В то же время в исследовании Van Den Eijnden с соавт. в

одной выборке зависимость регистрировалась чаще у респондентов мужского пола, а в двух других выборках половых различий выявлено не было [5].

Можно предположить, что высокая эмоциональная вовлечённость респондентов женского пола в использовании социальных сетей для поддержания межличностных отношений, эмоциональной поддержки и коммуникативных целей является возможной причиной высокой частоты формирования зависимости от использования социальных сетей по сравнению с мужчинами. В ряде исследований такие мотивы респондентов женского пола связаны с более интенсивным и компульсивным использованием социальных сетей как средства регуляции эмоций и снятия тревоги [16].

Нами выявлено статистически значимое преобладание частоты встречаемости зависимости в самой младшей возрастной группе (15–17 лет) в сравнении с остальными возрастными группами. Также частота зависимости постепенно снижалась с увеличением возраста опрошенных: в самой младшей возрастной группы — 60 %, в самой старшей (старше 55 лет) — 0 %. В исследованиях Терещенко с соавт. [3] и Wartberg с соавт. [15], изучавших зависимость среди подростков, самая высокая частота наличия зависимости от социальных сетей была обнаружена в самой младшей возрастной группе, самая низкая — в самой старшей возрастной группе. Стоит отметить, что в некоторых исследованиях не было выявлено статистически значимых возрастных различий [5]. Наши результаты, показывающие, что наиболее высокая частота зависимости наблюдается в возрастной группе 15–17 лет с постепенным снижением у более старших возрастов, находят поддержку в исследованиях, показывающих, что подростковый возраст — критическая стадия формирования идентичности, высокой потребности в социальной валидации и признании, что усиливает самопрезентацию и социальное сравнение в сети [17; 18]. Можно предположить, что с возрастом снижается значимость виртуальной самопрезентации, растёт саморегуляция и уменьшается эмоциональная нестабильность, а также расширяется возможность непосредственных личных контактов и смещается интерес в сторону более адаптивного использования интернета.

Вместе с тем такие переменные, как образование, семейное положение, трудовой стаж, доход и место проживания, не продемонстрировали значимой связи с зависимостью от использования социальных сетей. Это указывает на то, что социально-экономические факторы играют менее важную роль по сравнению с возрастом и полом. Данный факт можно объяснить тем, что возраст и пол представляют собой более «базовые» биопсихологические причины формирования зависимости от социальных сетей. Они непосредственно связаны с когнитивным и эмоциональным развитием, особенностями саморегуляции и стратегиями использования социальных сетей. Социально-экономические факторы, напротив, чаще играют косвенную роль, опосредуя своё влияние через социальные и психологические механизмы [19].

Мы наблюдали аномально высокую (80,6 %) частоту положительных ответов на вопрос «Вы часто заходите в социальную сеть, чтобы снять напряжение и негативные эмоции?». Это может быть обусловлено тем, что использование соцсетей как способа эмоциональной регуляции — то есть снятия стресса, тревоги, напряжённости — является весьма распространённой и принимаемой формой поведения. Многие исследования подтверждают, что люди склонны использовать соцсети именно с этими целями: как инструмент отвлечения, эмоциональной разгрузки [20; 21].

В то же время реже отмечались положительные ответы на вопросы № 6, 7, 9, явно отражающие негативные последствия избыточного использования социальных сетей в отношениях с третьими лицами. Вышеперечисленные результаты можно объяснить тем, что данные последствия реже осознаются и проявляются только при длительном или тяжёлом уровне зависимости, и респонденты не всегда готовы признаться в таких эффектах [22].

Ограничения

Это исследование имеет определённые ограничения. Во-первых, существует вероятность смещения данных, обусловленная применением методов снежного кома и удобной выборки, а также зависимостью от информации, предоставленной самими участниками. Во-вторых, необходимо учитывать, что неконтролируемые сопутствующие факторы могли повлиять на выявленную связь между зависимостью от использования социальных сетей и анализируемыми параметрами. В-третьих, в рамках исследования не рассматривались такие аспекты психического здоровья, как депрессия, тревожность и стресс, которые потенциально могут выступать значимыми факторами, влияющими на формирование зависимости от использования социальных сетей. Перечисленные обстоятельства могут ограничивать достоверность полученных данных. Несмотря на это, данное исследование расширяет существующую научную литературу по проблеме зависимости от использования социальных сетей. Для окончательного подтверждения или опровержения его результатов необходимы дальнейшие систематические обзоры и мета-анализы, объединяющие выборки всех доступных международных исследований с целью уточнения перечня факторов, определяющих развитие зависимости от использования социальных сетей.

Заключение

Проведённое исследование установило, что 37,2 % опрошенных демонстрируют зависимость от использования социальных сетей. Наиболее высокий уровень распространённости зависимости отмечен в подростковой возрастной группе (15–17 лет), где данный показатель составил 60 %. Женщины статистически значимо чаще демонстрировали зависимость от использования социальных сетей по сравнению с мужчинами. При этом такие факторы, как образование, семейное положение, род деятельности, трудовой стаж, уровень дохода, место проживания и частота использования социальных сетей не показали значимой связи с наличием зависимости. Полученные результаты согласуются с данными международных исследований, однако выявленный в нашем исследовании аномально высокий уровень распространённости зависимости, особенно среди подростков, может отражать последствия постпандемийного периода, характеризующегося ростом времени, проводимого в социальных сетях, и сохранением высокой вовлечённости в них после завершения ограничительных мер. Дополнительное внимание заслуживает тот факт, что подавляющее большинство респондентов использовали социальные сети как средство эмоциональной регуляции и снятия напряжения, что может выступать одним из ключевых механизмов формирования зависимого поведения. Несмотря на ограничения исследования, результаты дополняют существующую научную литературу о зависимости от использования социальных сетей. Для уточнения и подтверждения выявленных закономерностей необходимы дальнейшие систематические обзоры и мета-анализы, что позволит более точно определить комплекс факторов, влияющих на развитие данного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andreassen, C.S. The relationships between behavioral addictions and the five-factor model of personality / C.S. Andreassen, M.D. Griffiths, S.R. Gjertsen, E. Krossbakken, S. Kvam, S. Pallesen. // Journal of Behavioral Addictions. — 2013. — Vol. 2. — № 2. — P. 90–99.
2. Jing, Z. Correlations between social media addiction and anxiety, depression, FoMO, loneliness and self-esteem among students: A systematic review and meta-analysis / Z. Jing, W. Yang, Z. Lei, W. Junmei, L. Hui, Z. Tianmin. // PLOS One. — 2025. — Vol. 20. — № 9. — P. e0329466.

3. Терещенко С.Ю. Валидация русскоязычной версии опросника оценки зависимости от социальных сетей (Social Media Disorder Scale, SMDS) у подростков. / Терещенко С.Ю., Эверт Л.С., Костюченко Ю.Р. // Медицинский Совет. — 2024. — № 1. — С. 302–311.
4. Berndt, A.E. Sampling Methods / A.E. Berndt. // Journal of Human Lactation. — 2020. — Vol. 36. — № 2. — P. 224–226.
5. Van Den Eijnden, R.J.J.M. The Social Media Disorder Scale / R.J.J.M. Van Den Eijnden, J.S. Lemmens, P.M. Valkenburg. // Computers in Human Behavior. — 2016. — Vol. 61. — P. 478–487.
6. Boer, M. Cross-national validation of the social media disorder scale: findings from adolescents from 44 countries / M. Boer, R.J.J.M. Van Den Eijnden, C. Finkenauer, M. Boniel-Nissim, C. Marino, J. Inchley, A. Cosma, L. Paakkari, G.W.J.M. Stevens. // Addiction. — 2022. — Vol. 117. — № 3. — P. 784–795.
7. Spielberger, C.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Vol. IV / C.D. Spielberger, R.L. Gorsuch, R. Lushene, P.R. Vagg, G. Jacobs. // Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press. — 1983. — URL: https://www.researchgate.net/publication/235361542_Manual_for_the_State-Trait_Anxiety_Inventory_Form_Y1_-_Y2.
8. Тишуков М.Ю. Влияние социальных сетей на личную самооценку населения двух регионов Российской Федерации / Тишуков М.Ю., Храмешин С.Н. // International Journal of Medicine and Psychology. — 2025 — Том 8. — № 6. — С. 259–272.
9. Paakkari, L. Problematic Social Media Use and Health among Adolescents / L. Paakkari, J. Tynjälä, H. Lahti, K. Ojala, N. Lyyra. // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021. — Vol. 18. — № 4. — P. 1885.
10. Šablatúrová, N. Validation of the Social Media Disorder Scale using network analysis in a large representative sample of Czech adolescents / N. Šablatúrová, K. Rečka, L. Blinka. // Frontiers in Public Health. — 2022. — Vol. 10. — P. 907522.
11. Van Den Eijnden, R. The impact of heavy and disordered use of games and social media on adolescents' psychological, social, and school functioning / R. Van Den Eijnden, I. Koning, S. Doornwaard, F. van Gorp, T. Ter Bogt. // Journal of Behavioral Addictions. — 2018. — Vol. 7. — № 3. — P. 697–706.
12. Marciano, L. Digital Media Use and Adolescents' Mental Health During the Covid-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis / L. Marciano, M. Ostroumova, P. J. Schulz, A.-L. Camerini. // Frontiers in Public Health. — 2022. — Vol. 9. — P. 793868.
13. Shannon, H. Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis / H. Shannon, K. Bush, P.J. Villeneuve, K.G. Hellemans, S. Guimond. // JMIR Mental Health. — 2022. — Vol. 9. — № 4. — P. e33450.
14. Błachnio, A. Association between Facebook³ addiction, self-esteem and life satisfaction: A cross-sectional study / A. Błachnio, A. Przepiorka, I. Pantic. // Computers in Human Behavior. — 2016. — Vol. 55. — P. 701–705.

³ Социальная сеть признана экстремистской организацией запрещена на территории Российской Федерации.

15. Wartberg, L. Internet gaming disorder and problematic social media use in a representative sample of German adolescents: Prevalence estimates, comorbid depressive symptoms and related psychosocial aspects / L. Wartberg, L. Kriston, R. Thomasius. // *Computers in Human Behavior*. — 2020. — Vol. 103. — P. 31–36.
16. Cheng, Q. Relationships between daily emotional experiences and smartphone addiction among college students: moderated mediating role of gender and mental health problems / Q. Cheng, Y. Zhou, H. Zhu, Q. Wang, W. Peng. // *Frontiers in Psychology*. — 2024. — Vol. 15. — P. 1490338.
17. Avci, H. A Systematic Review of Social Media Use and Adolescent Identity Development / H. Avci, L. Baams, T. Kretschmer. // *Adolescent Research Review*. — 2025. — Vol. 10. — № 2. — P. 219–236.
18. ‘Kim, J. Sharing, Not Showing Off’: How BeReal Approaches Authentic Self-Presentation on Social Media Through Its Design / J. Kim, R. Wolfe, I. Chordia, K. Davis, A. Hiniker. — Text : electronic. — 2024. — URL: <https://arxiv.org/abs/2408.02883> (date accessed: 26.09.2025).
19. Kong, W. Status and Influencing Factors of Social Media Addiction in Chinese Workers: Cross-Sectional Survey Study / W. Kong, Y. Li, A. Luo, W. Xie. // *Journal of Medical Internet Research*. — 2024. — Vol. 26. — P. e48026.
20. Johnshoy, Q. Social media use following exposure to an acute stressor facilitates recovery from the stress response / Q. Johnshoy, E. Moroze, I. Kaser, A. Tanabe, C. Adkisson, S. Hutzley, C. Cole, S. Garces, K. Stewart, J. Campisi. // *Physiology & Behavior*. — 2020. — Vol. 223. — P. 113012.
21. Sun, X. Social media use for coping with stress and psychological adjustment: A transactional model of stress and coping perspective / X. Sun, B.J. Li, H. Zhang, G. Zhang. // *Frontiers in Psychology*. — 2023. — Vol. 14. — P. 1140312.
22. Ahmed, M. Psychological Impact of Social Media Addiction on Interpersonal Relationships in Pakistan / M. Ahmed. // *International Journal of Psychology*. — 2023. — Vol. 8. — № 4. — P. 53–65.

Tishukov Maxim Yurievich

Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, Russia

E-mail: tmax@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7220-960X>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1247473

The addiction among the population in two regions of the Russian Federation on the use of social networks

Abstract. Background: social media has become an important part of everyday life, but excessive use can lead to addictive behavior. The prevalence of social media addiction across different age and social groups remains a pressing issue.

Objective: to determine the level of addiction on the use of social networks and identify its relationship with the socio-demographic characteristics of respondents.

Methods: an anonymous cross-sectional survey was conducted using Google Forms among residents of the Rostov Region and the Republic of Crimea. The Russian-language adaptation of the Social Media Disorder Scale (SMDS) was used to assess addiction. The χ^2 test and Cramer's V coefficient of association were used for statistical analysis.

Results: a total of 314 people participated in the study. Social media addiction was detected in 37,2 % of respondents. The highest rate was recorded among adolescents aged 15–17 (60 %). Females demonstrated addiction statistically significantly more often than males (40,8 % versus 28,6 %, $p < 0,05$). The relationship between gender and addiction was moderate ($V = 0,12$), while the relationship between age and addiction was stronger ($V = 0,20$). Factors such as education, marital status, income, occupation, work experience, and place of residence showed no significant associations. Notably, 80,6 % of respondents reported using social media to relieve stress and negative emotions.

Conclusion: the results indicate a high prevalence of social media addiction, particularly among adolescents and women. Using social media as a means of emotional release may represent a key mechanism in the development of addiction.

Keywords: addiction; social networks; Social Media Disorder Scale (SMDS); socio-demographic parameters; Russia

Приложение

Таблица 1

Вопросы, входящие в третий раздел анкеты, используемой в исследовании, с вариантами ответа к ним. n, общее количество опрошенного населения

Questions included in the third section of the questionnaire used in the study, with answer options for them

Вопрос	Варианты ответа	Количество положительных ответов, n (%)
1. Часто бывает, что Вы не можете думать ни о чем другом, кроме того, чтобы снова зайти в социальную сеть?	Да/Нет	203 (64,7)
2. Вы регулярно чувствуете себя неудовлетворенным (недовольным), потому что Вы хотели бы проводить больше времени в социальной сети?		123 (39,2)
3. Вы чувствуете себя плохо (сильно скучаете или раздражаетесь), если у Вас нет возможности зайти в социальную сеть?		160 (51)
4. Вы пробовали проводить меньше времени в социальной сети, но у Вас это не получалось?		190 (60,5)
5. Вы регулярно отодвигаете другие дела (хобби, спорт), потому что хотели бы провести побольше времени, общаясь в социальной сети?		148 (47,1)
6. Вы часто спорите с другими из-за Вашего чрезмерного увлечения общением в какой-то социальной сети?		77 (24,5)
7. Бывает ли, что Вы говорите неправду Вашим родителям или друзьям в отношении времени, которое вы реально провели за общением в социальной сети (преуменьшаете)?		98 (31,2)
8. Вы часто заходите в социальную сеть, чтобы снять напряжение и негативные эмоции?		253 (80,6)
9. У Вас бывали конфликты с родителями или другими родственниками из-за Вашего увлечения общением в социальной сети?		99 (31,5)

Таблица 2

Социально-демографические параметры и параметр, касающийся частоты использования социальных сетей, опрошенного населения

Socio-demographic data and the frequency of social networks' utilization of the sample surveyed

Изученные параметры	Количество	Процентное соотношение
Пол		
Мужской	91	29
Женский	223	71
Возраст		
15–17 лет	20	6,4
18–24 года	167	53,2
25–34 года	56	17,8
35–44 года	42	13,4
45–54 года	25	8
Старше 54 лет	4	1,2
Уровень образования		
Среднее	74	23,6
Неоконченное высшее	115	36,6
Высшее	110	35
Послевузовское	15	4,8
Семейное положение		
Холост/незамужем	193	61,5
В браке	79	25,2
Разведён/разведена	17	5,4
Вдовец/вдова	5	1,5
В гражданском браке	20	6,4
Род деятельности		
Работник государственного сектора	55	17,5
Работник частного сектора	62	19,7
Пенсионер	3	1
Студент	172	54,8
Школьник	9	2,9
Безработный	13	4,1

Изученные параметры	Количество	Процентное соотношение
Трудовой стаж		
Менее 1 года	87	27,7
1–3 года	101	32,2
4–6 лет	58	18,5
7–10 лет	19	6
Более 10 лет	49	15,6
Уровень дохода		
Менее 20 000 рублей в месяц	99	31,5
20 000–40 000 рублей в месяц	52	16,6
40 000–60 000 рублей в месяц	44	14
Более 60 000 рублей в месяц	119	37,9
Населённый пункт проживания		
Город	264	84,1
Посёлок городского типа	27	8,6
Село	23	7,3
Частота использования социальных сетей		
Никогда	2	0,6
Реже одного раза в неделю	1	0,3
1–2 раза в неделю	8	2,5
Каждый день	162	51,6
Несколько раз в день	141	45

Таблица 3

Результаты третьего раздела анкеты среди опрошенного населения
Results of the third section of the questionnaire among the surveyed population

Количество положительных ответов	Число респондентов	Процентное соотношение
0	25	8
1	38	12
2	36	11,5
3	26	8,3
4	30	9,6
5	42	13,4
6	30	9,6
7	23	7,2
8	31	9,9
9	33	10,5

Таблица 4

Сравнение социально-демографических параметров и параметра, касающегося частоты использования социальных сетей, между опрошенными с наличием или отсутствием зависимости от социальных сетей. n, общее количество опрошенного населения, OR, отношение шансов

Comparison of socio-demographic data and the frequency of social networks' utilization between respondents with the presence or absence of dependence on social networks

Параметры	Наличие зависимости от социальных сетей		Скорректированный остаток	χ^2 (p-value)	V Крамера (p-value)
Пол, n					
Мужской	Да	26	-2	4,1 (p < 0,05)	0,12 (p < 0,05)
	Нет	65	2		
Женский	Да	91	2		
	Нет	132	-2		
Возраст, n					
15–17 лет	Да	12	2,2	12,7 (p < 0,05)	0,2 (p < 0,05)
	Нет	8	-2,2		
18–24 года	Да	70	1,8		
	Нет	97	-1,8		
25–34 года	Да	17	-1,2		
	Нет	39	1,2		

Параметры	Наличие зависимости от социальных сетей		Скорректированный остаток	χ^2 (p-value)	V Крамера (p-value)		
35–44 года	Да	12	-1,3	5,1 (p = 0,16)	0,13 (p = 0,16)		
	Нет	30	1,3				
45–54 года	Да	6	-1,4				
	Нет	19	1,4				
Старше 55 лет	Да	0	-1,6				
	Нет	4	1,6				
Уровень образования, n							
Среднее	Да	26	-0,4			4,1 (p = 0,4)	0,11 (p = 0,4)
	Нет	48	0,4				
Неоконченное высшее	Да	51	2				
	Нет	64	-2				
Высшее	Да	37	-1				
	Нет	73	1				
Послевузовское	Да	3	-1,4				
	Нет	12	1,4				
Семейное положение, n							
Холост/незамужем	Да	77	1,2	7,9 (p = 0,16)	0,16 (p = 0,16)		
	Нет	116	-1,2				
В браке	Да	23	-1,7				
	Нет	56	1,7				
Разведён/разведена	Да	7	0,3				
	Нет	10	-0,3				
Вдовец/вдова	Да	1	-0,8				
	Нет	4	0,8				
В гражданском браке	Да	9	0,7				
	Нет	11	-0,7				
Профессия, n							
Работник государственного сектора	Да	15	-1,7			9,1 (p = 0,06)	0,17 (p = 0,06)
	Нет	40	1,7				
Работник частного сектора	Да	19	-1,2				
	Нет	43	1,2				
Пенсионер	Да	0	-1,3				
	Нет	3	1,3				
Студент	Да	73	2,1				
	Нет	99	-2,1				
Школьник	Да	4	0,5				
	Нет	5	-0,5				
Безработный	Да	6	0,7				
	Нет	7	-0,7				
Стаж работы, n							
Менее 1 года	Да	42	2,5	4,2 (p = 0,24)	0,12 (p = 0,24)		
	Нет	45	-2,5				
1–3 года	Да	37	-0,2				
	Нет	64	0,2				
4–6 лет	Да	21	-0,2				
	Нет	37	0,2				
7–10 лет	Да	4	-1,5				
	Нет	15	1,5				
Более 10 лет	Да	13	-1,7				
	Нет	36	1,7				
Уровень дохода, n							
Менее 20 000 рублей в месяц	Да	45	2			4,2 (p = 0,24)	0,12 (p = 0,24)
	Нет	54	-2				
20 000–40 000 рублей в месяц	Да	18	-0,4				
	Нет	34	0,4				
40 000–60 000 рублей в месяц	Да	14	-0,8				
	Нет	30	0,8				
Более 60 000 рублей в месяц	Да	40	-1				
	Нет	79	1				

Параметры	Наличие зависимости от социальных сетей		Скорректированный остаток	χ^2 (p-value)	V Крамера (p-value)
Населённый пункт проживания, n					
Город	Да	96	-0,8	0,72 (p = 0,7)	0,05 (p = 0,7)
	Нет	168	0,8		
Посёлок городского типа	Да	12	0,8		
	Нет	15	-0,8		
Село	Да	9	0,2		
	Нет	14	-0,2		
Частота использования социальных сетей, n					
Никогда	Да	0	-1,1	8,6 (p = 0,07)	0,17 (p = 0,07)
	Нет	2	1,1		
Реже одного раза в неделю	Да	0	-0,8		
	Нет	1	0,8		
1–2 раза в неделю	Да	1	-1,5		
	Нет	7	1,5		
Каждый день	Да	53	-1,7		
	Нет	109	1,7		
Несколько раз в день	Да	63	2,5		
	Нет	78	-2,5		